

Таким образом, трактовка модерации экспертных дискуссий как специфической социально-гуманитарной технологией открывает путь к ее пониманию как структурированной и подчиненной определенным правилам деятельности модератора по организации взаимодействия экспертов с целью конструирования нового экспертного знания, формирования определенного общественного мнения и др.

Рассмотрим, благодаря чему модерация позволяет произвести анализ (проблематизацию) экспертных мнений и перейти к пересборке (синтезу) нового знания (или общественного мнения). Для достижения этой цели проанализируем сам алгоритм работы модератора. В структуре данной деятельности выделим следующие фазы (этапы):

- 1) этап установления контакта между всеми участниками экспертной дискуссии (часто именуется фазой знакомства);
- 2) постановка проблемы (с использованием общего для всех языка описания) и погружение в нее;
- 3) уточнение предмета и задач обсуждения (с выяснением ожиданий участников дискуссии, а также аудитории – в случае ее наличия);
- 4) анализ имеющихся и возможных вариантов решения проблемы;
- 5) конфронтация сторон (проработка содержания);
- 6) уточнение и оценка альтернативных решений (рефлексия);
- 7) установление согласия (консенсус) посредством определения наиболее оптимального решения проблемы (в случае необходимости формулировки прогноза – наиболее вероятного пути развития событий).

Будучи технологией по своей сути, модерация экспертной дискуссии сама включает в себя различные методики и приемы организации работы на каждом из этапов ее реализации. Эти техники могут быть направлены на снятие коммуникативных барьеров, на поддержание внимания экспертов к конкретной проблеме или некотором ее отдельном аспекте. Также эти техники могут касаться актуализации скрытого знания, активизации творческого мышления, аналитической и рефлексивной деятельности.

Суммируя сказанное, отметим, что трактовка модерации экспертной дискуссии как особой разновидности социогуманитарных технологий позволяет расширить и углубить понимание ее роли в социальных и культурных процессах современности, переопределить социальный статус модератора, переосмыслить вопрос о мере его ответственности в решении социально значимых вопросов и проблем. Важно также подчеркнуть, что, несмотря на то, что модерация как социогуманитарная технология предполагает алгоритмизацию, она в той же степени требует «чувствительности» модератора к культурному, идеологическому, психологическому контексту. Это не только определяет связь модерации с социогуманитарными науками, но и сближает ее с искусством, поскольку выбор и применение определенной технологии совершает сам модератор. Сказанное актуализирует вопрос целенаправленного обучения ведению научных дискуссий с помощью модерации как особой социогуманитарной технологии. Здесь, на наш взгляд, особая роль должна быть отведена не только теоретическому обучению, но и практической отработке полученных навыков.

1. Еналеева, Н.И. Модерация как гуманитарная технология повышения квалификации педагогических кадров вуза. / Н.И. Еналеева, Т.И. Шутшина. // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 8. – С. 71-82.
2. Терешкина, И.Б. Технологии модерации в сфере социального взаимодействия. Образовательный модуль. Учебно-методический комплекс. / И.Б. Терешкина, С.А. Векилова, Н.В. Солнцева, Н.Н. Суртаева. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 215 с.
3. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды. / Г.П. Щедровицкий. – М.: Шк.Культ.Полит., 1995. – 800 с.

ЗАПАД И ВОСТОК: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

С.В. Востриков (Смоленск, Россия)

Изучение историко-лингвострановедческих и этносоциальных слагаемых международных коммуникаций через призму взаимодействия культур подразумевает использование комплексного подхода, включающего (наряду с собственно языковым фактором) целый ряд специальных научных методик и технологий, в т.ч. семиотики, исторической географии, диалектологии, ареальной лингвистики, изоглосс, лингвокультурологии, этнопсихологии, компаративистики, морфологии, геополитики, лимологии, проблематики перевода языковых единиц с национально-культурной семантикой, которые пока еще недостаточно глубоко проработаны.

Рассматривая этнокультурный контакт (в т.ч. перевод) как акт двуязычной коммуникации необходимо учитывать различия истории, межнациональных дистанций и менталитета её участников. В то же время, контактирующие в переводе языки сами являются носителями национальных культур, нашедших отражение в их лексико-семантических системах и значениях отдельных единиц. Тем самым, лингвострановедческие взаимодействия выступают как элемент межкультурной коммуникации, когда осуществляется языковой контакт представителей разных этнонациональных групп, наций, цивилизаций с целью

передачи содержания, выраженного средствами одного языка, при помощи средств другого языка, с учетом не только сопоставляемых языков, но и культур, исторических традиций, архетипов и психоменталитетов, выраженных в этих языках. Очевидно, что если речь идет о языковой культуре Запада (в широком смысле этого слова), то здесь вопрос более или менее ясен: имеется в виду, как правило, культурная традиция, восходящая в своих истоках к греко-латинскому миру. На Востоке же такой единой культурной традиции попросту нет [2].

В силу этого представляется наиболее продуктивным не абстрактно-теоретическое сопоставление двух типов культур «вообще», а конкретно-предметное исследование разных типов культур, взятых в их исторической целостности. И здесь можно обнаружить чрезвычайно много интересного, познавательного и неизвестного. Так уже в древних эпосах различных народов мы находим специфические генетико-контактные связи и определенные типологические параллели, о чем свидетельствует сравнительное изучение «Гильгамеша», «Махабхараты», «Рамаяны», «Илиады», «Одиссеи». Позднее, на рубежах культурных зон средневековья различных лингвострановедческих ареалов и лимитрофных регионов сформировался целый ряд трансграничных литературных направлений. Наиболее важным и самобытным из них, как представляется, была андалусская школа – синкретическая амальгама арабских (мавританских), испанских, византийских, переднеазиатских, западноевропейских, ближневосточных и индийских элементов.

На их становление и развитие особое влияние, по экспертным оценкам, оказал санскритский сборник рассказов «Панчатантра» (III – V вв. до н.э.). В VI в. эта книга была переведена на среднеперсидский (пехлевийский) язык, в VIII в. переведена на арабский под названием «Калила и Димна», в XI в. – на греческий, в XIII в. – на латынь, с которой была уже переведена на многие европейские языки. К настоящему времени существует более 200 различных переводов на 70 языках мира. Академик С.Ф.Ольденбург заметил, что «Панчатантре» «было суждено после Библии стать одной из самых распространенных в мире книг» [8, с. 41].

Как известно, формирование многих национальных культур Запада происходило в период позднего Средневековья и в эпоху Ренессанса. Однако само становление европейского Ренессанса было бы невозможным без мощного влияния Византии, без арабских посредников между Востоком и Западом и их последователей в Передней Азии, Персии, Индии, Северной Африке. Уже в XVI – XVIII вв. в Англии имели представление о персидской поэзии по переводам из Фирдоуси, Джами, Хафиза, Саади, Хайяма, Руми. Но английские лингвисты не владели высокопрофессионально персидским языком и пользовались подстрочными переводами, зачастую далеко несовершенными, выполненными «посредниками», т.е. либо англоязычными индийцами, либо арабами. Так, например, Г.Белл, – выпускница Оксфорда, работавшая на дипломатической службе в Иране, – при переводе газелей Хафиза пропускала целые мисра и даже бейты, игравшие важную смысловую роль не только в архитектонике стиха, но и в конструкции всей идеи. [По-видимому, причиной этого был не преднамеренный умысел, а неспособность подобрать «код доступа» к сложным, витиеватым и многослойным древнеперсидским текстам. – Прим.авт.]. При этом её переводы Хафиза считаются одними из самых успешных. Серьезные «упущения» в её работах, по мнению специалистов, кроются в том, что Г.Белл не была ни ориенталистом, ни исламоведом, ни психоаналитиком, а потому не прочувствовала всей глубины скрытой истинной, «высшей», «божественной» философии Хафиза, которая, в отличие от европоцентристского мировосприятия, имела полифоничную, многомерную структуру [9, с.38].

Очевидно, что переводческая компетенция определяется не только билингвальностью переводчика, но и его бикультурностью, т.е. уровнем владения как историко-культурного наследия народа-носителя языка, на который осуществляется перевод, так и знанием традиций, психоменталитета, национального характера того народа, на языке которого создан переводимый текст. Исходный текст для специалиста-коммуникатора выступает не только как языковая сущность, но и в не меньшей степени как часть культуры. Таким образом, проблемы перевода не только билингвистичны, они еще и «бикультурны». Недооценка историко-лингвокультурного и этнопсихологического факторов, незнание местных традиций и специфики способны привести к досадным казусам или грубым просчетам в политике. Так британский резидент Г.Слиман в индийском княжестве Авадх (XVIII в.) пребывал в наивном заблуждении, что представители англосаксонской расы пользуются в регионе всеобщей любовью и уважением. Он писал: «В самой глухой деревушке и на самой шумной улице столицы европейский джентльмен может быть уверен, что к нему отнесутся с самым почтительным уважением» [10, с.89]. Реально же, Слиман питал иллюзии относительно искренности авадхцев. Дело в том, что принятый в Авадхе этикет требовал изысканнейшей, вплоть до поддобира, лояльности и вежливости к гостям, в ранг которых долгое время попадали европейцы. То, что Слиман принимал за чистосердечное расположение, было лишь следованием авадхской «церемонности» – такаллуф, в соответствии с которой не оказание помощи или гостеприимства старшему по возрасту, званию или чужестранцу расценивалось как ущерб репутации. Это, однако, не подразумевало искренней комплиментарности по отношению к иноземным «визитерам».

Анализируя ошибки, встречающиеся даже у профессиональных дипломатов, международников и референтов, можно сделать вывод, что наряду со знанием языка одним из важнейших условий предупре-

ждения таких ошибок является знание «фактологического материала», реальной действительности, о которой идет речь в переводном тексте, т.е. необходимы «фоновые знания» (своего рода «бэкграунд»), которыми располагает носитель языка. Иначе говоря, в межкультурной коммуникации понимание определяется не только языковой, но и исторической, лингвокультурной, психоментальной и этноконфессиональной компетенцией акторов. В процессе коммуникации не менее значим скрытый внеязыковой – психоисторический и этнокультурный - подтекст социолингвистической конструкции. Определенные сложности и проблемы практически всегда возникают при работе с носителями «лимитрофных культур», представляющими те историко-географические регионы и субрегионы, которые неоднократно меняли свою государственную принадлежность (Лотарингия, Трансильвания, Галиция, Далмация, Саар, Силезия, Гагаузия, Каталония, Тироль, Корсика, Кашмир, Валлония, Карабах, Сардиния, Косово, Аджария, Закарпатье, Ольстер, Буковина, Фландрия, Пуэрто-Рико, Кипр, Занзибар, Курдистан, Палестина, Сицилия, Таврида, Ливия, Латгалия, Пенджаб, Триест, Померания, Белуджистан, Мальта, Аланды, Босния, Гибралтар, Сомали, Стамбул, Катанга, Люксембург, Намибия). Как правило, «передельи» и «перереформирования» территориально-географических пространств оказывают влияние («линейное» или опосредованное) и на социокультурные, этноконфессиональные, геополитические, и, разумеется, языковые параметры.

«Наследие прошлого» неизбежно отражается (прямо или косвенно) на настоящем. Нередко именно «фоновые факторы» выступают в качестве своего рода триггера конфликтных процессов, развертывающихся в различных регионах современного мира [5]. Например, один из первых очагов напряженности (переросший позднее в полномасштабную вооруженную конфронтацию) на постсоветском пространстве первоначально возник и разрастался в рамках сугубо культурологического дискурса: публичная дискуссия между лидером абхазской общины доктором филологических наук В. Ардзинба и грузинским общественным деятелем З. Гамсахурдиа, - сыном известного грузинского писателя Константина Гамсахурдиа, - по проблемам национальной культуры и языка очень быстро трансформировалась в острую полемику и бескомпромиссный спор со взаимными обвинениями. Далее они (обвинения) переросли во взаимные претензии и оскорбления. Ситуация в закавказском регионе взорвалась, когда З. Гамсахурдиа, будучи законно избранным президентом Грузии, запретил использование на территории страны всех других языков, - кроме грузинского. В самобытной и древней Абхазии это было воспринято как прямое покушение на основы собственной культуры, языка, национальных традиций и статус самой автономной республики: лингвокультурный конфликт стремительно перерос в кровопролитную этнополитическую войну [4]. Итогом ожесточенных боевых действий стало возрастание до высшей точки градуса ненависти между грузинами и абхазами (который стабильно сохраняется в этом состоянии уже более четверти века) и самоопределение независимой Абхазской Республики.

Современная практика свидетельствует, что «ассиметрии» и «аномалии» в этнолингвистических и социокультурных коммуникациях зачастую служат «стимулятором» роста конфликтогенных факторов, дестабилизирующих положение во многих районах мира. Так, руководством Турции запрещалось преподавание курдского языка в школах и ВУЗах, использование его в средствах массовой информации, издание на нем литературы, и, даже упоминание самого этнонима и истории многомиллионного курдского меньшинства, что индуцирует и подпитывает затяжной трудноразрешимый конфликт.

Учет этоса, национальных традиций, родной культуры адресата крайне важен и при работе с представителями как крупных национальных общностей (например, шотландцами, бенгальцами, баварцами, сикхами, фламандцами, курдами, боснийцами, ирландцами, пуштунами), так и малочисленных субэтносов (баски, кашубы, латгальцы, друзы, саамы, осетины, берберы, лемки, абхазы, фризы, тамилы).

Сегодня, в условиях глобализации и динамично меняющегося мира, когда одновременно актуализируются как проблемы модернизации, так и самоидентификации, важно определиться с выработкой сбалансированной и гибкой этносоциальной и языковой политики. Игнорирование историко-лингвистических и культурологических аспектов жизнедеятельности не только деструктивно само по себе [3], но и способно, как доказывает практика, вызвать обострение конфликтогенных факторов [4], привести к дезинтеграции, разделению и взрыву этнополитических конфронтаций.

Наглядным тому подтверждением является состояние гражданской войны и ожесточенной конфронтации на Украине (в соответствии с грамматикой русск. языка. – Прим. авт.), одной из важнейших причин которой, стала именно языковая проблема. А также историко-культурная. Отказ политэлиты Западной Украины (представители которой доминируют во властных структурах Киева) от цивилизованного и общераспространенного принципа билингвизма, т.е., по сути, лишение жителей Востока Украины законного права на использование родного языка (коим для них является русский) вызвал взрыв возмущения и протеста в данном регионе. Само по себе, отрицание украинско-русского двуязычия прозападной правящей верхушкой стало сильнейшим катализатором хаотизации и деградации положения на Юго-Востоке и в Причерноморье (когда под маркой «украинизации» СМИ и образования осуществляется мимикрирование и камуфлирование иной, и, совершенно конкретной и долговременной цели, - латинизация языка, манкуртизация и перекодирование сознания людей, ибо язык всегда является носителем и хранителем культуры. – Прим. авт.).

Автор, которому целый ряд лет довелось работать во Львове (в т.ч. в архивах и научно-исследовательских центрах), полагает необходимым акцентировать внимание на историко-культурном аспекте: по существу на протяжении последних 350-400 лет Запад и Восток Украины жили в разных этноконфессиональных и лингвострановедческих измерениях: униатский Запад традиционно был ориентирован на Ватикан и совокупный Западный мир (и религиозно, и культурно, и ментально); Восток (со времен Переяславской Рады) был тесно связан с Россией (Московский Патриархат и православие, русский язык, экономические, торговые, гуманитарные, военные связи). По сути, под одним этнонимом сосуществуют два соседних, но разных народа (при детальном анализе идентификационных маркеров легко установить, что различий между ними значительно больше, чем «общенациональных основ»): не только слэнг («суржик»), но даже звукоизвлечение жителей Львова и Тернополя существенно отличаются от произношения жителей Полтавы и Харькова (конфликтный процесс и принятие законов 2018 г. вроде «О реинтеграции Донбасса» только углубляют отчуждение между двумя частями. – Прим.авт.). Хотя задача «слепить новых украинцев» («евроориентированных» и дистанцированных от России) была сформулирована г-ном Кучмой (который числился тогда в «наших друзьях») еще два десятка лет назад в его книге с симптоматичным названием «Украина – не Россия». З.Бжезинский развил, дополнил и углубил данную посылку, разработав концепцию отрыва Украины от России (это легко делается через продажные «элиты». – Прим.авт.). Политическая неадекватность, дефицит реализма и здравого смысла чреватые крайне негативными последствиями и в отношениях с самыми «ласковыми друзьями» и «добрими соседями». Факты – упрямая вещь.

В этой связи представляется уместным напомнить, что обращения совчиновников, например, к представителям ЧССР – «дорогие товарищи чехословаки» - вызывало чувство недоумения и ухмылки как у чехов, так и у словаков (наблюдал самолично-Прим.авт.), т.к. рядом живут два самостоятельных народа со своей культурой, историей, языком и т.д.; аналогичная реакция проявлялась при использовании доморощенными номенклатурщиками термина «югославы» (которые, как выяснилось позднее, представляют собой агломерацию разнородных народов и этносов). Нынешняя ситуация на Украине отнюдь не уникальна – «антагонистичные пары» не редкость в глобальном мире: так, живущие на Балканах бок о бок «братские славянские народы» – хорваты и сербы – предпочитают изничтожать друг друга на протяжении многих десятилетий; есть великий китайский народ, но две его части – «островная» (Тайвань) и континентальная (КНР) не отличаются особым дружелюбием; арабы имеют общие религию, святыни, литературный язык, образ жизни и традиции, но число конфликтов здесь «зашкаливает», превосходя многие иные этносы и регионы. Думается, что затертый штамп «братские народы» не всегда используется правомерно и по делу.

Таким образом, вся история международных отношений и внешней политики свидетельствует, что миру изначально было присуще свойство «цветущей сложности» (полицентризм): так для органических цивилизаций Востока, вопреки некоторым околонучным заблуждениям иностранцев, такие базовые компоненты, как синтоизм, буддизм, конфуцианство не только не стали препятствием, но и стимулировали развитие «тигров» и «драконов» Азиатско-Тихоокеанского региона; на Западе протестантизм, лютеранство, кальвинизм динамизировали научно-технический прогресс; равным образом свою самобытную «грамматику жизни» имеет и Россия.

Она основана на тысячелетней культуре православия, которая, как отметил Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в своем сравнительно-сопоставительном исследовании «Соборность и демократия» (Смоленск, 2005), которая характеризуется известным своеобразием, отличающим её от Запада: «Демократия является принципом, выработанным на Западе в странах евро-атлантического региона. По этой причине любой демократ в России вынужден априори обращаться с понятием демократии как с шаблоном, сравнивая российскую общественно-политическую жизнь с западным эталоном. В результате он запрограммирован на две разновидности выводов: находить сходства, либо расхождения российской действительности и демократической модели. Но это лишь есть знакомый всем принцип прокрустовы ложа. Во-первых, этот метод ведет к интеллектуальной ограниченности и идеологической зашоренности. Во-вторых, происходит отрицание самобытности национальной жизни, поскольку её многие положительные черты оказываются невостребованными» [с.1-2].

Начало XXI века, - с «глобальными сетями» Интернета, гибридными противоборствами, санкциями, «толерантностями», кибервойнами, фобиями, «списками изгоев», двойными стандартами, деградацией культуры - не внушает особого оптимизма относительно достижения элементарного взаимопонимания и сотрудничества (примитивизм политистеблишмента, потрясающая некомпетентность лидеров и политэлит, «обладающих» дефицитом психоисторических и этнокультурных знаний, налицо. – Прим.авт.). Глобальная проблема обретения «совместного будущего в разобщенном мире» крайне остроактуальна, но трудноразрешима. Несмотря на весь драматизм реальности, представляется, что шанс пока еще есть. Кризис недоверия преодолим через открытый, конструктивный и честный диалог (прежде всего между Востоком и Западом). Но для этого необходима добрая воля двух сторон, ибо «одной рукой не похлопаешь».

1. Бромлей Ю.В., Пучков П.И. Типология этнических процессов // Отв.ред.Б.Б.Пиотровский. Всемирная история и Восток: Сб.статей.М.: Наука, 1989. 274 с.

2. Востриков С.В. Ближневосточные трансформации в контексте глобализации // Проблемы безопасности российского общества. 2016. №2 (ISSN 2307- 4396).
3. Востриков С.В., Богатчикова К.С. Индийский федерализм в мировом измерении: правовые и историко-политические основы. Учебн. пособие. Смоленск: Универсум, 2009. 72 с.
4. Востриков С.В. Конфликты в «ближнем зарубежье» и стабильность в Азии. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. 258 с.
5. Гуревич П.С. Кризис ценностных ориентаций // Вестник аналитики. 2006. №3. С. 83-90.
6. Райгородский Д.Я. Психология народов и масс. Самара: БАХРАХ-М, 2006. 524 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1993. №3.
8. Цит. по: История всемирной литературы. Т.2. М., 1984. 753 с.
9. Farzaad M. Hafez and his poems. L., 1953. 126 p.
10. Sleeman in Oudh. An Abridgement of W.H. Sleeman's «A Journey through the Kingdom of Oudh». Cambridge, 1971. 287 p.
11. Snyder G. The Real Work. N.Y. 1980. 342 p.

ОБРАЗОВАНИЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ: К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

И.Н. Колядко (Минск, Беларусь), Н.С. Колядко (Слуцк, Беларусь)

«... существо пайдеи не в том, чтобы загрузить неподготовленную душу голыми знаниями, словно первый попавшийся пустой сосуд. Подлинное образование, наоборот, захватывает и изменяет саму душу в целом, перемещая сперва человека в место его существа и приучая к нему»
М. Хайдеггер. Учение Платона об истине [9, с. 350]

Философская рефлексия, как и во все времена, пытается поколебать ставший привычным, «само собой разумеющийся», обыденный взгляд на действительность, поставить вод вопрос тот *образ мира*, который стихийно складывается в сознании каждого человека и включается в ткань его мировоззрения. Такая деструктивная роль философии непосредственно вытекает из природы человеческого духа, который, по мысли Гегеля, может отбросить требования понимания только в случае насилия над собой, «ибо самостоятельность сознания требует своего удовлетворения, не позволяет силой отторгнуть себя, и здоровый дух не может отказаться от самостоятельного мышления» [3, с. 243-244]. «Заброшенность» человека в мир уже самим своим фактом взывает к мышлению, в котором человек реализует свою сущностную потребность в постижении и понимании многообразия мира и своего места в нем. Философия постигает мир в его отношении к человеку, являясь своего рода *искусством осмысляющего мышления*.

Рассмотрим сквозь призму этого искусства сущность и специфику образования и мировоззрения в их отношении к смыслу человеческого бытия и в связи с феноменом кризиса общества современного типа («modern society»).

Образование представляет собой один из эффективных способов репрезентации культуры во всей ее целостности, а также способ ее сохранения, трансляции и развития. В этой связи можно говорить о том, что одной из важных, первостепенных задач образования является усвоение индивидами как совокупности знаний, так и определенной системы ценностей, «мировоззренческого кода». В процессе обучения и воспитания происходит целенаправленное формирование, построение определенной «картины мира» в сознании, позволяющая индивиду интегрироваться в традицию, стать частью конкретной культурно-цивилизационной идентичности. Очевидно, различные культуры представляют различные «картины мира» и совершенно по-разному определяют идеалы и цели человеческой деятельности. Образование осуществляется в соответствии и с опорой на санкционированные культурной традицией представления, духовно-нравственные и ценностные ориентиры, формируя, таким образом, духовный облик индивида в целом. Так, в системе образования осуществляется культивирование того идеального образа, на который, в конечном счете, и ориентируется реальный человек в своей деятельности.

Если в обществе традиционного типа образовательная модель носила сословный характер, а мифологические и религиозные представления играли определяющую роль в формировании мировоззрения индивида, то в эпоху Нового времени под влиянием набравших силу демократических тенденций сословная образовательная модель была вытеснена системой всеобщего образования. «Всеобщее образование, – отмечает в этой связи А. Дугин, – мыслилось как инструмент превращения разнообразной сословной системы в однородное общественное поле, в котором каждый человек формируется в одинаковых условиях» [5]. Поскольку культура модерна оформлялась по принципу отталкивания, отчуждения от предшествовавшей ей религиозной традиции, соответственно этому закладывались основы секулярной (светской) образовательной модели с соответствующей ценностной иерархией, системой идеалов и норм. Новая образовательная модель формировалась с опорой на радикально противоположное предшествовавшему периоду «темных» Средних веков понимание природы человека, сущности человеческого общества и культуры, т.е. на новую систему ценностей, прежде получивших рационально-теоретическое обоснование и интерпретацию.